

В чем же дело? Прежний Ли Дун никогда не отличался благородством манер, а стоило смениться душе — и облик его неуловимо преобразился. Появилось в нем нечто утонченное, едва ли не возвышенное, словно коснулось его дыхание небожителей.

Цан Доушань закончил втирать снадобье и перебрался на спину Вэйшэна. Для последнего открытие духовных каналов принесло несомненную пользу: теперь Вэйшэн нес своего спутника с легкостью, точно пушинку, и без малейшего труда взобрался по крутому склону ущелья.

Заночевав на вершине утеса, на следующее утро они снова спустились вниз, чтобы продолжить сбор целебных трав.

В свое время Цан Доушань посеял здесь больше сотни семян, однако выжило от силы полтора десятка корешков. Вэйшэн провозился до самого вечера, аккуратно выкапывая драгоценные побеги и бережно оборачивая их влажным мхом. Пять стеблей он решил оставить себе для нужд совершенствования, остальные же — пустить с молотка. В мыслях он уже видел себя сказочно богатым.

Разумеется, розы Хуасюнь тоже планировалось обобрать до последнего лепестка и выгодно сбыть, но у беглецов не оказалось под рукой даже простейшего оборудования для перегонки эфирных масел. Ради этого Вэйшэну пришлось отмерить добрый десяток ли до ближайшего поселения. Крепя сердце, он продал один стебель драгоценной травы Лайчунь, зато разом разжился и необходимой утварью, и приличной одеждой, и даже сытным обедом. Вернувшись, он принялся хвастаться добычей перед Цан Доушанем, так и сияя от самодовольства.

Получив от напарника крепкий подзатыльник, парень мигом присмирел и без лишних слов принялся варить лепестки.

Хоть инвентарь теперь и имелся в наличии, приспособления эти оставались крайне примитивными. Качество выгоняемого масла и цветочной воды выходило весьма посредственным: приличный дом такое зелье не принял бы, разве что неизбалованные крестьянки польстились бы на дешевизну.

Вэйшэн, глядя на скудный улов, поверить не мог своим глазам:

— И это все? Столько цветов извели, а нацедили едва на доньшке!

— Скажи спасибо, что хоть столько вышло, — отозвался Цан Доушань, покачивая стеклянный флакон и оценивая на просвет чистоту янтарной жидкости. Результат его в целом удовлетворил. — Иначе с чего бы благовониям стоить целое состояние?

Впрочем, в голове его уже крутились безрадостные думы. Путь совершенствования прожорлив: чем дальше продвигаешься по ступеням мастерства, тем больше требуется редких снадобий и камней. На одной только траве Лайчунь и паре флаконов дешевой розовой эссенции далеко не уедешь.

Крошечный начальный капитал требовалось пустить в оборот с умом.

— Я помню несколько старых рецептов для притираний и румянящих средств, — задумчиво произнес Цан Доушань, воскрешая в памяти былые годы. — И роза Хуасюнь там придется как раз к месту. Кое-какие редкие и дорогие коренья можно заменить более дешевыми аналогами со схожими свойствами. Срежем расходы — и дело пойдет. Скопим немного серебра.

Вэйшэн тут же подхватил мысль:

— А продавать станем под видом подлинного эликсира! Мол, товар штучный, дорогой, но сегодня отдаем с бешеной скидкой. Дураков на свете полно, мигом расхватают!

Цан Доушань опешил и нерешительно пробормотал:

— Подобное плутовство... как-то это нечестно.

Вэйшэн размахисто махнул рукой:

— Да брось ты! Главное — звонкая монета в кармане, остальное чушь. Твое дело — варить зелье, а коли объявятся недовольные да полезут с кулаками — я сам им зубы пересчитаю.

Цан Доушань только покачал головой от такой беспардонности, но возразить ему было нечего.

Карманы их действительно звенели удручающей пустотой.

Дорогой мускус заменили обычным чабрецом. Нежные свинцовые белила стоили баснословных денег — вместо них пустили в ход тончайшую, трижды просеянную рисовую муку. Настоящая персиковая помада обходилась в пол-ляна серебра за крошечный флакон; Цан Доушань взял за основу дешевую мазь из красного гибискуса, капнул туда каплю оригинального снадобья для аромата и разбавил водой, добиваясь идеального совпадения оттенков. На глаз разницу не определил бы и искушенный лекарь.

Вэйшэн заворуженно наблюдал за тем, как напарник переливает жидкости из одной плошки в другую, смешивает порошки и растирает пасты:

— И откуда в тебе эти премудрости?

— Старшая сестра научила, пока опекала меня.

— С чего бы это благородной заклинательнице учить тебя бабьим хитростям?

— Она и не учила. Просто когда она принималась за дело, я крутился рядом и запоминал. Сестра обожала наводить красоту, но покупные белила презирала, всегда варила свои.

— Твоя шицзе... — ухмыльнулся Вэйшэн, — видать, знатной была привередницей. Вся в тебя.

— Мели, Емеля. Какая еще привередливость?

— Ну-ну, рассказывай.

Спорить с ним Цан Доушань не стал. Он молча смешал ингредиенты в строгих пропорциях, тщательно растер массу, укупорил глиняные горшочки и выставил их в темный холодный угол для просушки.

Куда тяжелее оказалось приготовление косметической пудры — сущий каторжный труд. Для начала просо требовалось истолочь в пыль, а затем замочить в воде на целый месяц. Со временем закваска начинала бродить, испуская густой, удушливый смрад, зато зерновые крупы размягчались до предела. После этого массу долго промывали, избавляясь от кислого запаха, процеживали сквозь тончайший шелк, отстаивали, вновь растирали и сушили на солнце. Хоть беглецы и пытались всячески сэкономить время, срезая углы и упрощая технологию, к концу месяца оба едва держались на ногах от усталости.

Вэйшэн без умолку ворчал:

— Вместо того чтобы крепить дух и каналы развивать, мы гробим дни на бабьи забавы! Столько мороки из-за смазливых девичьих лиц!

Цан Доушань, едва живой от изнеможения, лишь тихо выдохнул:

— Потерпи. С этой партией закончим, и станет легче.

Когда первая партия румян и пудры была наконец готова, встал вопрос о сбыте. Вэйшэн взвалил на плечи коромысло с коробами и больше двух недель колесил по окрестным деревням, однако продать сумел лишь жалкие крохи.

Что еще хуже, осень стремительно сдавала права, уступая место пронизывающим зимним ветрам, и покупательниц поубавилось.

К разгару зимы торговля заглохла окончательно. Пришлось потратить последние гроши на аренду полуразрушенной лачуги. Долгими ледяными ночами юноши ютились на одном топчане, пытаясь согреться дыханием друг друга и уходя в медитацию.

— Завтра опять тащиться на мороз... — сонно пробормотал Вэйшэн, кутаясь в дырявое одеяло.

Цан Доушань промолчал.

— Как твои успехи?

— Почти достиг Первого проблеска.

Бросив короткую фразу, Цан Доушань вновь погрузился в глубины созерцания. Вэйшэн же лежал с открытыми глазами, созерцая закопченный потолок. Сон не шел, да и к духовным практикам душа не лежала.

Начальные ступени совершенствования — Раскрытие истоков, Первый проблеск, Обретение сути; затем более высокие этапы ученичества: Двойственная сфера Сокровенной рыбы, Слияние единого, Преображение пути и само Постижение Дао... Наконец, вершина мастерства, предел Вознесения к небесам, от которого до истинного бессмертия оставался один шаг, — все это казалось сейчас Вэйшэну далекой, зыбкой иллюзией.

Они с Цан Доушанем опирались на одно и то же учение, однако внутри Вэйшэна духовные токи то и дело натывались на невидимые преграды. Духовная энергия упорно не желала течь вспять. Это ставило в тупик и самого Цан Доушаня: по всем законам природы практик с восемью открытыми меридианами — пусть даже восстановленными искусственно — должен превосходить любого заурядного искателя.

Недостижимая цель и застывшее на мертвой точке совершенствование породили в душе Вэйшэна глухие сомнения. Может, стоило остаться в деревне Байшуй? Прожил бы жизнь обычным дровосеком, не зная бед и не мерзнув на ледяном ветру ради продажи бабьих белил.

Запутавшись в невеселых мыслях, он незаметно провалился в сон.

И вновь, как бывало уже не раз в часы ночного покоя, его сознание перенеслось к безбрежному Черному морю.

Здесь не нужно было бороться за жизнь: пучина держала его тело на плаву без малейших усилий, лишь обволакивала со всех сторон прохладной, чуть давящей тяжестью. Но скука в этом безмолвном черном пространстве царила смертная.

От нечего делать Вэйшэн зачерпнул ладонью воду. Темная, почти непроницаемая на вид взвесь при ближайшем рассмотрении оказалась удивительно чистой, похожей на жидкий плавленый обсидиан.

«Что будет, если сделать глоток?»

Он нерешительно пригубил влагу. По нёбу мгновенно разлился тонкий, удивительно богатый вкус — терпкий, точно выдержанное вино, и оставляющий долгое сладкое послевкусие.

Убедившись, что его не выворачивает наизнанку, парень смело осушил ладонь. Голову наводнила хрустальная ясность, а внизу живота, в самом средоточии духовных сил, зародился крошечный очаг тепла, согревая изнутри измученное стужей тело.

Вэйшэн зачерпнул еще, потом еще раз, поддавшись странному искушению. Но едва он собрался сделать очередной глоток, как над самым ухом громынуло так, что в глазах потемнело. Мир черных вод разлетелся вдребезги, возвращая его в явь.

В лачуге брезжил тусклый рассвет. Цан Доушань уже поднялся и торопливо натягивал на себя старое тряпье, слой за слоем, пока не превратился в неповоротливый меховой ком.

Вэйшэн потрогал впалый живот и тоскливо вздохнул:

— Сдохнуть можно, до чего ж жрать охота.

Цан Доушань молча завязал тесемки на воротах и выскользнул за порог. Оставшись в одиночестве, Вэйшэн сладко зевнул, борясь с накатывающей сонной одурью.

Вскоре дверь скрипнула, и в комнату вернулся спутник, бережно неся в руках миску, над которой поднимался густой белый пар:

— Поднимайся. Поешь горячего.

Вэйшэн прищурился и расплылся в довольной ухмылке:

— Ой, холодно-то как... Мочи нет шевелиться. Может, покормишь меня с ложечки, а?

Цан Доушань уставился на него долгим взглядом.

— Я вчера весь день коромысло на хребте таскал, — не моргнув глазом соврал Вэйшэн, напуская на себя самый несчастный вид. — Пальцы совсем окоченели, до сих пор не слушаются. Ну сделай милость, покорми.

Цан Доушань поджал губы, помешал ложкой дымящееся варево, зачерпнул немного и осторожно подул на него:

— Ладно уж. Сегодня останешься дома.

Он поднес ложку к губам приятеля. Вэйшэн радостно оскалился, заглотил кашу целиком и тут же взвыл, едва не выплюнув все обратно:

— Ох, твою ж за ногу! Горячо!

Цан Доушань едва сдержал улыбку.

Даже обжигаясь, Вэйшэн послушно прикончил всю миску до последней крупички и поспешил вновь зарыться под одеяло, намереваясь досмотреть прерванный сон. Но стоило ему сомкнуть веки, как в хлипкую дверь настойчиво постучали.

Разбуженный парень злобно зыркнул в сторону входа:

— Кого там черти принесли в такую рань?!

— Я... я за румянами, — раздался робкий девичий голос снаружи.

Клиент пришел! Вэйшэн пулей взвился на постели, собираясь соскочить на холодный пол, но Цан Доушань мягко, но уверенно удержал его за плечо:

— Лежи уж. Я сам приму.

На пороге мялась молоденькая крестьянка. Ее щеки порозовели от лютого мороза, а в глазах читался испуг:

— Мне бы румян... Самых простеньких. Сколько просите за коробку?

Цан Доушань ответил мягким, успокаивающим тоном:

— У нас цена одна для всех. Восемь вэней за штуку.

— Восемь... — Девушка на миг замялась, судорожно перебирая в кармане монеты, но затем решительно кивнула: — Хорошо, беру.

Этот скромный зимний почин неожиданно стал переломным моментом в их торговле. С приближением праздника Нового года в глухой переулок все чаще стали заглядывать молодые девицы и замужние женщины. Запасы притираний, стоившие им стольких трудов, начали стремительно таять, превращаясь в приятную тяжесть медных монет. Теперь они могли не бояться голодной смерти в наступающем году.

Накануне праздничной ночи Цан Доушань наконец перешагнул заветный невидимый порог, за которым открывался Первый проблеск. На этой ступени практику уже позволялось разучивать простейшие боевые заклинания. Путь, лежавший впереди, был ему хорошо знаком. Поскольку ранг Первого проблеска требовал скорее чистоты помыслов и ясности духа, нежели

колоссальных запасов духовной силы, Цан Доушань не сомневался, что сумеет достичь Обретения сути уже через три луны.

Странно, но и Вэйшэн не отставал: его духовная сила росла как на дрожжах, легко вознеся его на самую вершину Раскрытия истоков. Он продвигался даже стремительнее своего наставника. Цан Доушань хоть и подивился столь поразительному уходу в практику, но скрывать искренней радости не стал.

Вэйшэн вторил его восторгу, хотя на душе у него скребли кошки. Парень прекрасно понимал, какова цена его «таланта»: внезапный скачок в развитии на добрых девять десятых был заслугой таинственного Черного моря, а вовсе не плодом изнурительных ночных медитаций.

Если бы Цан Доушань прознал о ночных визитах к бездонной пучине, беды не миновать. Поэтому Вэйшэн благоразумно держал язык за зубами.

Праздники Нового года и Фонарей пролетели незаметно. Зимние труды окупилась сторицей: слухи о чудесных румянах поползли по девичьим покоям. Дочери бедных лавочников и небогатые горожанки, мечтавшие о красивых нарядах и притираниях, одна за другой потянулись к их ветхой хижине. Снадобья Цан Доушаня ложились ровно, не сушили кожу и стоили сущие гроши — истинная находка для тех, кто привык считать каждый вэнь.

К тому же, молодой лавочник, отпускавший товар, оказался на редкость миловиден.

А в пору весеннего цветения персиков у какой девицы не екнет сердце при виде статного юноши?

Однажды утром, едва распахнув двери, Вэйшэн обнаружил на пороге аккуратный сверток из промасленной бумаги. Развернув его, он увидел внушительный, лоснящийся от жира кусок пряной вареной свинины — добрых три цзиня нежнейшего мяса с головы.

— О, сегодня у нас намечается пир! — довольно протянул он.

Цан Доушань, в этот момент растиравший в ступке свежие лепестки персика, мельком взглянул на подношение и брезгливо поморщился:

— Убери этот кошмар с глаз моих. Пахнет на весь дом, мне только этой вони для тонких масел не хватало. Всю работу насмарку пустишь.

Вэйшэн только обрадовался:

— Не хочешь — как хочешь, мне больше достанется.

В котелке оставалось немного вчерашней пшенной каши. Парень принялся уплетать жирное мясо вприкуску с полуостывшей крупой, шумно чавкая от удовольствия и уписывая угощение за обе щеки.

Цан Доушань, полностью погруженный в процесс смешивания масел, даже головы не повернул в его сторону. Вэйшэн почувствовал легкий укол разочарования. Впрочем, стоило ему вспомнить, как холодно его напарник отшивает всех уличных вертихвосток, пытающихся заигрывать с ним ради лишней баночки румян, как настроение у парня мигом улучшилось, и он с удвоенным аппетитом принялся за свинину.

Новые персиковые румяна, над которыми так долго корпел Цан Доушань, вышли на диво яркими и свежими. Это был настоящий успех: товар сметали с прилавка за считанные минуты. Спрос рос лавиной, а за ним поползли вверх и цены. Вэйшэн, никогда прежде не державший в руках столь внушительных сумм, сиял ярче начищенного медного таза.

В один из весенних дней, когда последние запасы косметики подошли к концу, Вэйшэн с грохотом приколотил к косяку дощечку с надписью «Продано» и уже собирался запереть засов, как вдруг со двора донесся зычный мужской голос:

— Погоди, парень! Не закрывай!

Вэйшэн обернулся. За последнее время к ним нередко заходили мужа, присланные капризными женами, так что он привычно отчеканил:

— Прошу прощения, почтенный, на сегодня все подчистую выгребли. Приходите завтра.

— Да я не за притираниями, — ответил подошедший купец. Мужчина средних лет, плотного сложения и с благообразным лицом, держался с достоинством бывалого дельца. — Я к вам с деловым предложением. Есть разговор на большие деньги.

Вэйшэн недоверчиво сощурился. Из недр дома послышался голос Цан Доушаня:

— Кто там, Вэйшэн?

— Торговец какой-то! — крикнул он в ответ.

Цан Доушань вышел на порог, взглянул на гостя и невольно отступил на шаг:

— Босс Хуан?..